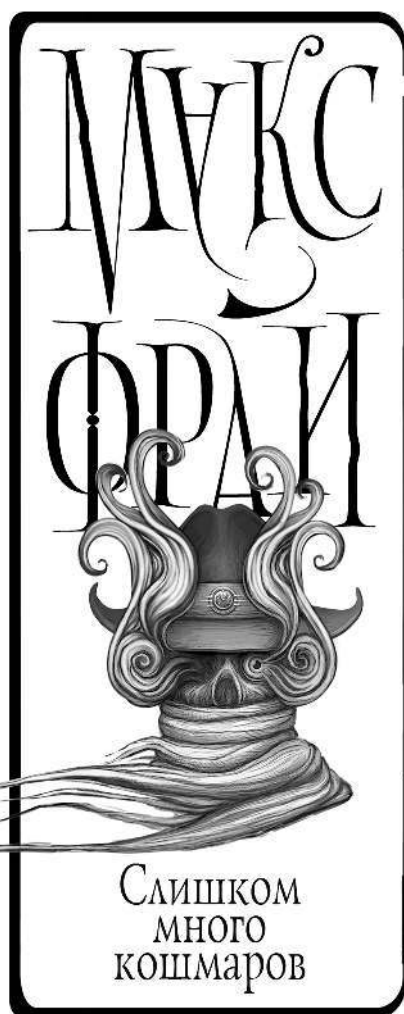

≡○✱≡
 ∨○✱∨○✱pea
 ≡pea≡≡

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Слишком много кошмаров / Макс Фрай. — Москва:
АСТ, 2015. — 448 с. — (Сновидения Echo).

ISBN 978-5-17-088720-0

В этой книге слишком много не только кошмаров, а вообще всего. Страшных тайн и просто чужих секретов, городских улиц, новых домов, крепких напитков, друзей, сновидений, разговоров до утра, красавиц и, конечно, ужасных чудовищ, куда без них. В этой книге слишком много жизни - столько, что хватит всем персонажам и останется на долю читателя. Каждому прочитавшему - дополнительный год к отпущенному судьбой сроку. Со строгим условием: потратить его исключительно на чудеса.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-088720-0

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Когда балансируешь над пропастью на узкой, скользкой от крови доске, ответ на закономерный вопрос: «Как меня сюда занесло?» — вряд ли принесёт практическую пользу. Зато поиски этого ответа вполне могут немного отвлечь от неприятных размышлений на тему: «Что будет, если я сейчас оступлюсь?» Да ничего не будет. Потому что всё сразу закончится. Давай, соберись, представь, что эта доска лежит на полу, пройти по ней — что может быть проще? Вдохни, выдохни, успокойся и сделай наконец шаг. Небольшой, не надо жадничать. Первый из полудюжины — всего-то. Давай. За это я притворюсь, будто верю в твои силы. В смысле в свои. Ну, в общем, ты понял.

А ведь буквально только что я шёл по залитой после-полуденным солнцем улице, глаза по сторонам и пытаюсь сообразить, где это у нас в Ехо такой симпатичный район и почему я до сих пор никогда тут не был. Может быть, где-то на Левом Берегу? Похоже на то, таких аккуратных маленьких домиков, окружённых большими садами, на Правом днём с огнём не сыщешь. А на окраине Левого попадаются целые кварталы.

Потом я зачем-то свернул за угол и внезапно оказался — даже не знаю, как правильно сказать: оказался ночью? в ночи?

В общем, там, за углом, была ночь. Не «внезапно наступила», а именно была — то ли просто задолго до моего прихода, то ли вообще всегда. Но это обстоятельство вовсе не

показалось мне странным. С тех пор, как в Кодекс Хрембера внесли несколько сотен разнообразных увлекательных поправок, общий смысл которых сводится к тому, что граждане Соединённого Королевства снова получили полное право колдовать сколько влезет, от обычной послеобеденной прогулки по городу ждёшь ещё и не таких сюрпризов.

Поэтому я совершенно не удивился и принялся осматриваться — скорее в надежде, что всё-таки опознаю улицу, чем с какой-либо иной целью.

Однако увиденное мне не понравилось. И дело тут, конечно, не в темноте. Я-то как раз люблю ночь — время, когда небо закрывает свой сияющий солнечный глаз и видит землю не наяву, как днём, а во сне.

Я хочу сказать, ночь — это время, когда мы снимся небу. Именно поэтому самые невероятные вещи происходят с нами по ночам. Даже в волшебных городах вроде Ехо, где жизнь и днём особо скучной не назовёшь.

Но тут, за углом, я это сразу почувствовал, была какая-то не та ночь. Не такая, как надо. Похоже, про это место небу приснился кошмар, и теперь оно тревожно ворочалось у меня над головой, не зря же здесь дул такой ветер — не то чтобы очень сильный, зато как бы во все стороны сразу. С ног такой не собьёт, зато с ума свести может запросто, всё, что ему для этого нужно, — время. Возможно, не так уж много.

В мои ближайшие планы сумасшествие не входило. Быть безумным я уже пару раз пробовал, и мне совершенно не понравилось. Поэтому я принялся оглядываться по сторонам, пытаясь сообразить, как отсюда выбраться. Ясно, что проще всего было бы повернуть назад, но в подобных местах «назад» обычно не получается, потому что, оглянувшись туда, откуда пришёл, обнаруживаешь тупик. Например, как сейчас, сплошную каменную стену — гладкую, не перелезть. И заклинание, позволяющее проходить стены насквозь, вылетело из головы, словно бы и не знал его никогда. А может, правда не знал? Только собирался выучить, да всё откладывал на потом?

Ладно, что толку теперь локти кусать. Надо искать выход.

Пространство, где я оказался, выглядело как огромная стройка, заброшенная несколько лет назад, причём на таком неприятном этапе, когда старый квартал уже разрушен, жильцы уехали, побросав где попало ненужный скарб, окна в домах выбиты, крыши ободраны, деревья выкорчеваны с корнем, строительный мусор ещё не вывезли, зато новые материалы уже начали доставлять, поэтому всюду громоздятся мешки, доски, камни и неожиданно аккуратные пирамиды условно новенькой черепицы. Прибавьте к этому сломанную мебель, разбитые лампы, шербающую посуду, старую обувь и ветхие игрушки, рассеянные по территории, и представшая мне картина будет восстановлена во всей своей удручающей полноте. В общем, даже хорошо, что темно, при дневном свете всё это выглядело бы совсем ужасно. А так — ну, просто заброшенная стройка, постепенно превращающаяся в свалку. Есть на свете места и похуже. Хотя в такие я, будем честны, давненько не забредал.

За годы жизни в Ехо моё ночное зрение стало почти таким же острым, как у коренных угуландцев, в противном случае я бы вряд ли заметил узкий проход между двумя домами, не то будущими, не то всё-таки бывшими. Обнаружив его, удивился: у нас, в Ехо, дома обычно или вплотную лепятся друг к другу, соединённые общей стеной, или стоят в гордом одиночестве, окружённые палисадниками. В разных кварталах по-разному, однако такого компромисса, как узкая щель между стенами соседних домов, я до сих пор, вроде бы, не встречал.

Всё к лучшему — наверняка через этот проход можно выбраться на не затронутую ремонтом часть улицы. Где, будем надеяться, всё ещё день. Ну или хотя бы горят фонари. И жизнь похожа на жизнь, и ветер — на просто ветер, и я сам на себя.

Но уже пару минут спустя я понял, что это была плохая идея. Даже так: Очень Плохая Идея. С большой буквы. Любая идея, загоняющая вас в ловушку, безусловно, заслуживает этого почётного звания.

Штука даже не в том, что идти пришлось гораздо дольше, чем обычно рассчитываешь, ныряя в проход между домами на обычной городской улице. Ну или на необычной. Всё равно почти бесконечный проход между зданиями — совсем не дело. Но с этим я бы ещё как-нибудь смирился.

И не в том беда, что благоразумно повернув назад, я обнаружил там ещё одну стену — снова тупик. Этого я, будем честны, заранее ожидал.

Даже тот факт, что внутри зданий, между которыми я пробирался, творились какие-то явно нехорошие дела, не особо меня огорчил. Рычание, вой и жалобные стоны, доносившиеся отовсюду, свидетельствовали, что посторонним сюда лучше не лезть — я и не собирался. А, заметив в оконном проёме анемичную блондинку, с аппетитом пожирающую человеческую ногу, загорелую, волосатую и на фоне бледной людоедки торжествующе живую, решил, что это меня не касается. В конце концов, мои ноги пока на месте, а барышне явно требуется усиленное питание. И вряд ли сейчас подходящий момент для урегулирования наших с ней гастрономических разногласий.

Больше всего мне не нравилось, что земля у меня под ногами постепенно переставала быть твёрдой. И вообще землёй. Подо мной ходуном ходили какие-то шаткие гнилые доски, а этого я действительно не люблю. Предпочитаю твёрдо стоять на ногах во всех ситуациях и во всех возможных смыслах этого выражения. И когда это не получается, начинаю сердиться — верный признак, что я напуган.

А это уже никуда не годится. Как маленький, ей богу. Стыдись, сэр Макс.

Но для того, чтобы устыдиться, мне требуется хотя бы один свидетель. Желательно лучший друг. Ну или ладно, не лучший. На самом деле даже не обязательно друг. Кто угодно сойдёт, потому что я стремлюсь выглядеть героем в глазах любого свидетеля. И обычно так хорошо вхожу в эту роль, что сам себе верю. Поэтому у меня репутация очень храброго человека.

Но на необитаемом острове я, вероятно, наложу в штаны от первого же подозрительного шороха. И буду проделывать эту негигиеничную процедуру примерно раз в полчаса, если только не появится хоть какой-нибудь заинтересованный зритель. Говорящий попугай, думаю, сойдёт.

Поэтому, в общем, хорошо, что я вовремя заметил белокурую людоедку. Она не обратила на меня ни малейшего внимания, но её присутствие где-то далеко за спиной всё равно заставило меня держаться молодцом. То есть подавить в себе естественное человеческое желание заверещать от ужаса и попытаться залезть на стену. А вместо этого идти дальше твёрдой походкой человека, приготовившегося в любую секунду загреметь в ад и заранее уверенного, что адским обитателям крупно не повезло заполучить такого гостя.

Так я шёл по стонущей, дрожащей, прогибающейся под моими ногами земле — не то тысячу лет, не то целых десять минут. В общем, очень долго. Пока не оказался на краю расщелины, довольно узкой, но всё же не настолько, чтобы преодолеть её в один прыжок. Внизу была подозрительно бездонная пропасть, а на другой стороне — город Ехо, хорошо мне знакомый и живущий нормальной будничной жизнью, по крайней мере, на первый взгляд. Я даже улицу узнал — Жёлтых Камней. Она в Новом Городе, я когда-то снимал там дом, и это были очень хорошие времена.

Сейчас, впрочем, тоже хорошие.

Дело за малым — вернуться в эти хорошие времена. То есть перейти мост.

Мостом служила переброшенная через пропасть доска. Даже не то чтобы какая-то особенно узкая. Самая обычная доска шириной в две моих ступни. Пройти по такой — плёвое дело. Пока она лежит на земле. А когда такая доска переброшена над бездонной пропастью, почти невозможно заставить себя сделать хотя бы один шаг. По крайней мере, если ты человек с пылким воображением.

Мне не повезло, я — с ним.

Но в некотором смысле всё-таки повезло: выбора у меня не было.

Только сделав первый шаг, я обнаружил, что доска ещё и залита кровью — явно для поднятия у меня боевого духа.

Вообще-то я совершенно спокойно отношусь к крови. В смысле не падаю в обморок от её вида. И даже настроение мне таким зрелищем особо не испортишь, по крайней мере, если кровь не моя. Но именно сейчас кровь была совершенно некстати, потому что доска, и без того не шибко устранивавшая меня в качестве моста, оказалась чертовски скользкой. И одновременно липкой. И мне, кроме всего, заранее страшно было подумать, в какое состояние придёт моя обувь. Здесь, в Ехо, носят сапоги из тончайшей кожи, и подошва у них обычно тоже очень тонкая. Ходить в такой обуви неописуемо приятно — ровно до тех пор, пока не влезешь в грязь, которая мгновенно пропитает ее насквозь. Обычно о подобной проблеме даже не задумываешься, в Ехо грязь днём с огнём не сыщешь, разве что в Портовом Квартале бочка с вином треснет — тогда, конечно, лучше быстренько вспомнить нужное заклинание и продолжить путь в полуметре над землёй. А тут вдруг кровь...

«Так, стоп, — сказал я себе. — Заклинание! Ты же можешь не идти по доске, а парить над ней. И всё! Какие вообще проблемы?!»

Даже рассмеялся вслух от облегчения. И тут же взлетел, причём вообще без всякого заклинания. Просто не успел его прочитать.

И проснулся.

— Ну и как тебе? — нетерпеливо спросил Нумминорих, помогая мне подняться с тротуара, на котором я зачем-то лежал. — Что ты видел? Или это секрет? Ох, ну конечно, это же твой сон и твоя жизнь! Прости, я любопытный дурак. Но тебе понравилось? Всё будет хорошо?

— погоди, — сказал я. — Дай сперва вспомнить, на каком я свете. И зачем я тут, собственно говоря, нужен. И кто все эти люди.

— Просто прохожие, которые ждут своей очереди к гадалке, — кротко объяснил Нумминорих. — Ты довольно долго спал, целых десять минут. Обычно у неё все быстро просыпаются. Только глаза закрылись, и тут же — хлоп! — вскочил, довольный увиденным. Ну или не очень довольный...

— Очереди к гадалке, — меланхолично повторил я.

Просто так повторил, лишь бы не молчать. Но это отлично сработало. Реальность, только что представлявшая собой неизъяснимый хаос, наконец собралась в кучку, настолько аккуратную, что я без труда обнаружил в ней свое место и текущий статус. Любопытный праздношатающийся горожанин в поисках развлечений — вот кем я сейчас был.

По моим меркам колоссальное достижение. Потому что обычно я или бегаю по городу с высунутым языком, света белого не видя (это состояние называется: «у меня очень много работы»), или брожу, как сомнамбула, ничего не замечая (под девизом: «у меня такой богатый внутренний мир, что уж лучше бы было просто много работы»). А праздно шататься по улицам, интересуясь колоритными персонажами и принимая деятельное участие в незначительных происшествиях, из которых, собственно, складывается повседневная городская жизнь — это совершенно новый уровень житейского мастерства. Даже не верится, что у меня наконец начало получаться.

Впрочем, моей заслуги в том не было. Просто сказывалось порочное влияние Нумминориха. Который формально зачем-то считается моим учеником, а на самом деле усердно занимается моим перевоспитанием. И уже достиг немалых успехов на этом поприще. По крайней мере, когда Нумминорих сказал, что в Новом Городе объявилась уличная гадалка, за небольшую плату насылающая на всех желающих какой-то особый «Пророческий сон», я не наградил его скучающим взором пожилого куманского принца, давным-давно изведавшего все мыслимые наслаждения Мира. И даже не пообещал, что непременно выберу время для ознакомления с предметом когда-нибудь потом. А напро-

тив, бодро выскочил из-за стола, где стояли остатки не то позднего завтрака, не то всё-таки раннего ужина, несколькими отработанными до автоматизма движениями рук сменил знакомое всему городу лицо на чужую невнятную рожу и потребовал: «Пошли, покажешь!»

Совершенно не похоже на того сэра Макса, которым я привык быть, большого любителя откладывать на неопределённое будущее всё, что удастся, включая удовольствия и развлечения. Собственно, их — в первую очередь. Думаю, таким образом моё сознание просто защищалось от переизбытка новой информации. Но, хвала Магистрам, оно наконец-то уяснило, что сопротивление бесполезно — привыкнуть к удивительному процессу, который считается моей повседневной жизнью, невозможно, конца сюрпризам, переменам и потрясениям не видно, и вряд ли ситуация изменится в ближайшую тысячу лет. Осмыслив этот факт, сознание решило: ладно, раз так, будем брать всё, что дают. Вот, например, гадалку по сновидениям. Заверните.

Гадалка, так уж совпало, облюбовала для своих сессий улицу Жёлтых Камней, ту самую, где я одно время снимал квартиру, вернее, огромный дом, который так толком и не обжил, потому что у меня вечно находились дела поинтересней. И спальни, ночевать в которых мне нравилось куда больше, чем в собственной. Вернее, всего одна спальня на соседней улице Забытых Снов; впрочем, неважно. Всё равно улице Жёлтых Камней я до сих пор считаю в некотором смысле «своей». А гадалку, толстую загорелую старуху, одетую по моде всех континентов сразу — стёганый жилет под коротким лоохи, пёстрая юбка поверх кожаных матросских штанов и меховая изамонская шапка, лихо сбитая на затылок, — автоматически зачислил в «соседки» и проникся к ней необъяснимой, но вполне закономерной симпатией. Столько улиц в столице Соединённого Королевства, а она, гляди-ка, выбрала для работы мою. Ну, положим, бывшую «мою». Но всё равно.

Улицу Жёлтых Камней сложно назвать многолюдной. Кроме жителей окрестных домов тут можно встретить разве что завсегдатаев трактира «Жирный индюк» и желающих заказать обувь у весёлого рыжего сапожника, ещё на моей памяти открывшего мастерскую в ярко-зелёном трёхэтажном доме на углу. Однако гадалка вовсе не скучала в одиночестве. К ней даже очередь образовалась; впрочем, шла она довольно быстро. Старуха со своими клиентами особо не церемонилась: возьмёт монетку, стукнет по лбу, придержит спящее тело, чтобы не рухнуло на тротуар, а буквально несколько секунд спустя жертва её колдовства просыпается, удивлённо хлопает глазами, встаёт и отходит в сторонку, перебаривать впечатления. Следующий!

Я и заметить не успел, как подошла наша очередь.

— Давай ты, — великодушно предложил Нумминорих. — Я только сегодня утром попробовал и увидел совершенно замечательную погоню за злодеями в духе хроник Эпохи Орденов в изложении для младших школьников. Вряд ли с тех пор в моей судьбе произошли какие-то радикальные изменения. Зачем один и тот же сон дважды смотреть?

— Ну, хотя бы для того, чтобы убедиться, что сон действительно будет тот же, — возразил я.

Очень логично, как мне кажется, возразил. Однако Нумминорих не внял доводам разума, а деликатно подтолкнул меня к старухе, взиравшей на наши препирательства с невозмутимостью Королевского Церемониймейстера.

Теоретически ещё можно было извиниться и уйти, вряд ли она за мной погналась бы. Но я заглянул в глаза гадалки — один цвета тёмного янтаря, второй светлого — и пропал. Можно сказать, влюбился. Только нормальный влюблённый обычно жаждет объятий и поцелуев, а я вдруг страстно захотел, чтобы она мне погадала. Немедленно, прямо сейчас. Что на самом деле свидетельствует вовсе не о моей потрясающей интуиции и не о каких-то сверхспособностях гадалки. А только о её мастерском умении мгновенно расположить к себе любого незнакомца, совершенно

бесценном для тех, кто вынужден работать на улице, где каждый равнодушный прохожий — упущенная выгода.

Забавно, что я не только прекрасно понимаю всё вышесказанное, но даже техникой притягательного взгляда, которой часто пользуются уличные фокусники, гадатели и просто попрошайки, в своё время овладел. Не то чтобы она была мне жизненно необходима, но когда это я отказывался от возможности стать ещё обаятельней?

Однако всё это совершенно не помешало мне поддаться нехитрым чарам уличной гадалки и оказаться целиком в её власти. Всего на несколько секунд, дольше это незамысловатое колдовство не действует, но их как раз хватило, чтобы протянуть старухе монету в полкоронки.

Так теория расходится с практикой. И посрамлённый теоретик получает магический удар в лоб. И засыпает, как миленький, будь он хоть тысячу раз грозный сэр Макс — поделом ему!

То есть мне.

Тем более, что грозный я тоже только теоретически. А на практике — безобиднейшее существо. Вот и сейчас, даже сдачи не дал драчливой старухе. А безропотно погрузился в Пророческий сон.

Ни хрена себе пророчество получилось.

— Ни хрена себе пророчество! — сказал я вслух.

И тон выбрал самый что ни на есть скандальный. Не люблю чувствовать себя сбитым с толку, хотя за столько лет ежедневной практики мог бы и привыкнуть.

— Уж какое есть, — равнодушно откликнулась старуха-гадалка. — Всё, что я могу, — это показать тебе небольшой фрагмент твоего будущего. И не моя вина, что ты до него доживёшь.

На этом месте я простил ей всё. И, можно сказать, заново влюбился. Обожаю чеканные формулировки.

— А что, твои сны действительно сбываются? — спросил я.

Старуха пожала плечами.

— Да кто ж их знает. Но до сих пор вроде никто не жаловался, — буркнула она.

И была чрезвычайно убедительна в своём нежелании убеждать.

Я достал из кармана корону и протянул её гадалке. Та скорее удивилась, чем обрадовалась. Корона Соединённого Королевства — это, как говорил один мой знакомый, простодушный ландаландский оборотень, «большая деньга». На эту сумму можно, не особо себя стесняя, прожить целую неделю. Вернее, было бы можно, если бы в Соединённом Королевстве Угуланда, Гугланда, Ландаланда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, земель Благостного Ордена Семилистника, вольного города Гажин и острова Муримах было принято измерять время неделями. Но такими глупостями мы тут не занимаемся.

В общем, столько денег уличным фокусникам и гадалкам не дают даже подвыпившие столичные богачи. Я один такой идиот, да и то изредка, под настроение. Вот сегодня, например.

— Целая корона за плохой сон? — наконец спросила старуха. — Который, к тому же, вполне может сбыться? Ты настолько любишь кошмары?

— Терпеть их не могу, — честно признался я. — Но живу я там, по крайней мере, остался. Уже хорошо. Значит гуляем! Люблю быть живым.

— Очень разумный подход, — согласилась гадалка. — Ты на редкость здравомыслящий человек. Можешь не беспокоиться о своём будущем, таким, как ты, всё впрок.

Ради столь духоподъёмного комплимента стоило вставать из-за стола и отправляться в Новый Город. А я ещё и такой увлекательный кошмар посмотрел. Самое настоящее зловещее пророчество! День определённо задался.

День, надо сказать, задался до такой степени, что домой я вернулся только около полуночи. Вошёл через парадную дверь в полной уверенности, что гостиная моя в это прекрасное время суток будет безлюдна и уныла, как бескрай-